

МИР СТРУГАЦКИХ

Сергей Лукьяненко

ЛАСКОВЫЕ МЕЧТЫ ПОЛУНОЧИ

Я от того проснулся, что Рюг во сне тихонько завизжал. Вначале я вспотел, страх высыпал по коже ознобистыми пупырышками, потом раскрыл глаза и присел на кровати — спиной прижимаясь к стене, а руки выставив перед собой. Сна как в помине не было.

Но это был всего лишь Рюг. И визжал он так, понарошку, то ли приснилось ему что-то противное, то ли вспомнилось. В свете от окна его бритая макушка слегка поблескивала, и до меня сразу дошло, что мы не в моей комнате, и даже не у Рюга, а у русского Ивана.

Верите не верите, а мне как-то сразу легче стало. Я сидел, смотрел на блестящую голову Рюга и раздумывал, не намазать ли её зубной пастой, или фломастером написать какое-нибудь слово. Но тут Рюг дрыгнул ногой, сбрасывая одеяло, и тихонечко сказал: «Ой!» Не просыпаясь, конечно.

И мне сразу расхотелось над ним издеваться. Я встал, подошёл к двум составленным вместе креслам, на которых Иван постелил Рюгу, наклонился над ним и тихонечко подул в ухо. Это всегда помогает, я знаю, мне так Вузи делала, а я однажды проснулся, и увидел.

Рюг замер и задышал чаще.

— Дрыхни, — сказал я ему поглубее, но тихо. Чтобы Иван не услышал, что кто-то не спит, и чтобы Рюг во сне мою грубость почувствовал. Когда говорят ласково — это плохо. Это почти всегда опасность.

Рюг теперь нормально спал, наверное, я ему все плохие сны выдул.

Я подошёл к окну и посмотрел в сад. Было тихо, мамаша с Пети небось уже спали. Где-то далеко кричали про дрожку, привычно и скучно.

Вот только что-то было неправильно. Совсем-совсем неправильно, я это чувствовал и мучился, но никак не мог понять, в чём дело. На всякий случай решил подойти к двери в спальню Ивана и послушать.

Тут-то до меня и дошло.

За дверью тарахтело, шипело, булькало. Негромко и совсем не страшно. Я облизнул губы, и покосился назад. Но Рюг сладко спал.

Стало так завидно, что я пожалел, что не разбудил его.

— Иван... — зачем-то сказал я.

Обидно было до слёз! Ну как же так! Почему?

Дверь к нам он запер, только всё это ерунда была. Объяснял же я ему, что двери нигде не запираются, а он... «на полчаса работы»... И забыл. Вот так всегда, стараешься, а тебе не верят!

Я немножко подёргал дверь, чтобы на той стороне с задвижки соскочил стопор. А потом повернул ручку, и дверь легко открылась. Мне

всё-таки хотелось верить, что это полная ерунда, что мне примерещилось, и сейчас Иван от шума проснётся, вскинется на постели и громко спросит: «Лэн, что, не спится? Слушай, по ночам детям надо спать, а не пугать мирных постояльцев!»

Но Ивана в спальне не было, конечно же. Потому что звук мне не померещился, шёл он из ванной, а ещё там шумела вода.

У меня ещё немножко оставалась надежда, что Иван не успел. Что он только раздевается, или сыплет в воду «Девон», или размышляет, стоит ли... Он же умный мужик, не какой-нибудь дрянь-человечек!

И я сиганул через всю комнату, чуть не налетев на кресло, которое Иван зачем-то оттащил к окну. Само окно было зашторено, и света в комнате было чуть-чуть — из холла да из щёлки плохо прикрытой двери в ванную.

Глупо это было, конечно. Как Вузи говорит иногда, приходя с вечеринки: «Ах, как хотелось обманываться!»

Лежал Иван в ванне, в горячей зелёной воде, от которой воняло «Девон», голый, красный, с глупой блаженной улыбочкой на лице. Из полуоткрытого рта стекала слюна, тоже густо-зелёная, значит, все по правилам сделал, закусил «Девончиком». А приёмник стоял на полочке и радостно шипел.

Дело, конечно, не в том, что он шипит и булькает, про это каждый пацан знает. Это просто побочный эффект, а всё дело в волнах, кото-

рые слег излучают. Мне-то ничего, на детей, говорят, он почти не действует, даже если в ванну забраться.

А вот Ивану нравилось. Он то улыбался, то хмурился, то что-то бормотал неразборчиво.

— Иван, — сказал я зачем-то. Словно он мог меня сейчас услышать...

— Где Буба? Он мне срочно нужен... — тихо, но разборчиво прошептал Иван. Ему было сейчас хорошо и интересно.

А я смотрел на него, и мне было так паршиво! Словно со мной эта беда случилась!

Ну почему, почему именно Иван?

Надо было мне к нему пораньше подойти, до того как Рюг пришёл, ну, вместо того, например, чтобы в саду играть в спасателей из сериала «Марсианские пустыни», рассказать всё ещё раз, про то, что слег — это такая гадость, которую даже один раз нельзя пробовать, а то хуже мёртвого станешь, может, он и понял бы, но не мог же я всё растолковывать, когда взрослому пытаешься что-то рассказать, они никогда не верят, они же все — взрослые, они себя самыми умными считают, и попробуй переспорь, когда тебе только одиннадцать лет и ты ходишь в коротких штанишках и ешь кашу на завтрак, ничего бы я не смог, не поверил бы мне Иван и всё равно забрался бы в эту вонючую зелёную воду, а теперь стой, хлопай носом, только Ивану уже всё равно, слишком много в нём любопытства и слишком мало терпения, любопытным быть просто, и лезть куда не надо —

тоже, а быть терпеливым — трудно. Почему-то все думают, что если человек всё на свете хочет узнать и немедленно, то это здорово, а если он просто живёт себе спокойно, занимается своими делами, а в чужие не суётся, то он дурак, всё равно, десять ему лет или целых соток, и не с Иваном первым так случилось, только он ведь и впрямь хороший, его жалко, он же не виноват, что хотел всё узнать и сразу, лучше бы он просто отдохнуть приехал, а не разнохивать, тоже мне Джеймс Бонд фигов, он бы, может, был не таким хорошим, но был бы, а теперь его просто нет, мутная зелёная вода и мускулистое тело, вот и всё...

Я вздрогнул, потому что увидел: Иван чуть приоткрыл глаза. Только он смотрел не на меня, а сквозь, куда-то далеко-далеко, куда его утащил слег.

— Пиблбридж... — прошептал Иван. Помолчал немного и добавил: — Оскар...

Я даже всхлипнул, таким он был сейчас глупым и несчастным, со своим придуманным Оскаром Пиблбриджем, а ещё у него на груди были шрамы, значит, он воевал, а у меня отец тоже был военным, мама думает, что я его совсем не помню, только это неправда.

Конечно, мало ли как было, может, даже Иван и папа друг в друга стреляли, только на самом деле это не важно, война это война, а дружба это дружба, Иван ведь и впрямь старался быть моим другом, значит, не мог я его оставить гнить в зелёной воде...

Привстав на цыпочки я потянулся к полочке, хотел выключить приёмник, потом вспомнил, что это вредно, и просто закрыл подтекающий кран горячей воды. Когда ванна остывает, Иван сам очнётся. Только я не хотел после этого с ним разговаривать, ничего уже нельзя было бы сделать, кончилось бы тем, что я разревелся бы...

На самом деле я и заплакал, выскочив в спальню, и долго стоял у окна, чуть раздвинув шторы и глядя на луну, потом мне почудилось, что Иван уже очнулся и стоит за спиной, голый, страшный, с безумными глазами... Я повернулся и взвизгнул на всякий случай, но его там не было, конечно, слег так быстро не отпускает.

Тогда я подошёл к телефону и быстро, чтобы не передумать, нажал кнопочку повтора. Номер набрался, и мне ответил скучный заспанный голос:

— Алло, отель «Олимпик»...

Такого я совсем не ожидал. И от растерянности бухнул первое, что в голову пришло:

— Соедините с Оскаром Пиблбриджем... пожалуйста...

В трубке помолчали немного, потом раздражённо сказали:

— Какой номер, мальчик?

Номера я не знал, и поэтому только всхлипнул и повторил:

— Пожалуйста... я один дома... пожалуйста.

Конечно, женщина разжалобилась и через полминуты переспросила:

— Оскар Пиблбридж? А ты не шалишь, мальчик?

— Нет, — сказал я.

— Соединяю, — сказали мне, и в трубке раздались долгие гудки. Я обрадовался тому, что угадал и что друг Ивана, Оскар, и впрямь жил в отеле, только ещё неизвестно было, в номере ли он...

— Да! — сказали громко и раздражённо.

Голос был неприятный, совсем не сонный, но раздражённый, и я заколебался.

— Опять... — произнёс человек куда-то в сторону, и я понял, что сейчас трубку бросят.

— Извините, пожалуйста, — громко крикнул я в телефон, — извините, вы знаете Ивана?

Наступила тишина, потом незнакомец вкрадчиво спросил:

— Знаю, а ты кто, мальчик?

Тут я сообразил, что, может быть, это вовсе не Оскар, и ответил вопросом на вопрос, хоть это и очень некультурно, меня мама всегда ругает за такое:

— А вас как зовут?

На той стороне провода приглушённо советовались, потом мужчина сказал:

— Я Оскар Пиблбридж. Кто ты? Откуда знаешь Ивана?

— Вы его друг? — поинтересовался я и решил, что если он скажет «да», то я нажму на рычаг.

— Как оказалось — да, — задумчиво ответил Оскар. — Честное слово.

У него вдруг в голосе прорезалось что-то от Ивана, и тогда я решился. Назвал адрес, объ-

яснил, как войти, чтобы никого не разбудить, попросил приехать быстрее. Даже пятки у меня вспотели от страха, когда я это делал. Только что ещё оставалось, не врачей же вызывать?

Оскар помолчал, потом спросил:

— Можно я приеду с другом? Он хороший человек.

Я представил Ивана, какой он здоровый и сильный, и сказал:

— Ладно.

В ванную заглядывать я больше не стал, вместо того пошёл и разбудил Рюга. Он никак не хотел просыпаться, видно, ему снилось что-то хорошее, а когда проснулся и выслушал, то чуть меня не убил.

— Ты же говорил, он не такой! — возмущённо шипел Рюг, одеваясь. — Ты же... ты...

Понятно всё, конечно, у него отец слегач, но разве я виноват? Может, Рюг это и поймет к утру, но сейчас он завёлся.

— Я сматываюсь, — открывая окно, сказал он. Подумал и предложил: — Пошли, я знаю, где доспим...

Значит, не до конца на меня обиделся, раз с собой зовёт! Но я помотал головой. Больше всего мне хотелось, чтобы Рюг остался, но просить его толку не было.

Пока Рюг спускался по водосточной трубе, я смотрел в окно, а потом пошёл и снова заглянул в ванную. Я боялся, что Иван захлебнется, но ванна для него оказалась слишком мала, и го-

лова торчала наружу. От воды уже пар не шёл, и видно было, что слег его отпускает.

— «Девон» на туалетной полочке — таблетку в рот, четыре в воду, — прошептал Иван. Я пулей вылетел в спальню, словно Иван и впрямь предложил слегка мне, а не своим глюкам. Уселся на подоконник — если что, то можно попробовать выскочить, и стал ждать.

Видел бы меня сейчас Иван! Насмехался, крысой мускусной обзывал... Ну и что теперь? Он, взрослый и смелый, лежит с открытым ртом, а я пытаюсь ему помочь, хоть и маленький... и трусливый, наверное...

Оскар со своим другом пришли минут через десять. Хоть я и знал, откуда они в дом войдут, но не смог их заметить. Только когда в дверь заскреблись понял, что уже в доме.

Ох и попало бы мне от мамы! А Вузи вообще бы шкуру спустила!

— Это кто? — спросил я через дверь.

— Оскар, — послушно ответили мне. Как в шпионском фильме, и я немножко успокоился.

С виду Оскар был мужик неприятный, лупоглазый, костлявый, светловолосый. Но вроде не слегач. С ним пришёл какой-то толстый старик с тростью и в тёмных очках, хотя была ночь. Они остановились на пороге и уставились на меня, Оскар держал одну руку в кармане, я понял, что там пистолет, и попятился.

— Ну-ну, — дружелюбно сказал старик. — Не бойся, Лэн. Ты храбрый мальчик. И очень помог Ивану.

— Ему уже не поможешь, — ляпнул я.

Старик и Оскар переглянулись.

— Мария... — негромко сказал Оскар старику, — я полагаю...

— А тебе не надо полагать, — отрезал Мария. — Лэн, дружок, если хочешь, то можешь позвать маму или сестру.

Я понял, что они уже всё про меня знают.

— Не надо, — сказал я. — Мне попадёт.

Мария понимающе кивнул:

— Где Иван?

— В ванной, — я даже удивился такому вопросу. Мария кивнул Оскару, и тот, не вынимая руки из карманов, пошёл к Ивану. А старик вздохнул, сел в кресло, задумчиво посмотрел на меня.

— Мальчик, скажи, Иван — хороший человек?

Я кивнул не раздумывая.

— Вот и я так думаю... — вздохнул старик и уставился в окно. В ванной пару раз звонко хлопнуло, словно кого-то били по щекам, потом послышалась невнятная ругань на незнакомом языке.

— Это же ничего не значит, — попытался объяснить я, косясь на дверь в ванную. — Хороший, плохой, а когда слег попробуют, то всё...

— Думаешь? — заинтересовался Мария.

Я промолчал.

— Неверное, было решение, — грустно сказал Мария. — Неверное... А как найдёшь правильное, не ошибаясь...

Из ванной показались Оскар и Иван. Оскар был весь в брызгах зелёной воды, злой и со-

средоточенный. Иван, в одних брюках, мокрый и взъерошенный, казался пьяным. Он посмотрел на меня, потом на Марию, без всякого интереса. Оскар уронил Ивана на кровать, тот присел, тяжело, словно куль с мусором, упёрся руками и тихонько хихикнул. Потом ещё раз. Старик молча смотрел на него сквозь чёрные очки, Оскар брезгливо отряхивал руки, но далеко не отходил.

— Это слег, товарищи! — торжественно сказал Иван, словно кому-то ещё не было ясно. — Это машинка, которая будит фантазию и направляет её куда придётся, а в особенности туда, куда вы сами бессознательно — я подчёркиваю: бессознательно — не прочь её направить.

— Понятно, — сказал Мария.

— Чем дальше вы от животного, тем слег безобиднее, но чем ближе вы к животному... — Иван уронил голову на грудь и замолчал. Потом уставился на старика с лёгким удивлением. Видно, отходить начал. — Я для вас не авторитет, — вяло продолжил Иван, — но найдутся те, кто поверит...

— Кто-то будет пытаться людей в тёмных подвалах, — мрачно сказал Мария. — Кто-то обнимать гурий в садах... — он покосился на меня и не закончил. — Да. А кто-то — спасать мир, побеждать слег и объяснять глупому начальству страшные тайны... которые начальство давно знает.

Иван ничего не понимал. В его фантазиях, наверное, тоже были Оскар, Мария, я, и сейчас его мечты так спутались с реальностью, что разде-